

Типология и сравнительное языкознание славянских и балканских языков

Образование 22 августа 1960 г. сектора структурной типологии славянских и балканских языков неразрывно связано с развитием в нашей стране целого комплекса наук, как прикладных, так и теоретических, как будто бы изначально имевших малое отношение к филологии вообще и к славистике в частности.

Дело в том, что с 50-х годов в СССР начало развиваться то, что сейчас привычно называют кибернетикой, автоматизацией речевых исследований, анализом и синтезом речи, связанными, разумеется, с общими проблемами компьютеризации. Называвшаяся ранее «лженаукой», кибернетика затем была «реабилитирована», и мы стали поспешно догонять опередившие нас в этом отношении страны, прежде всего США.

Ближе всего к «автоматизированному» подходу к языковым фактам находилась ветвь лингвистики, именуемая тогда структурализмом. У истоков этого направления стоял швейцарский лингвист Ф. де Соссюр с его знаменитым лозунгом об изучении языка «в самом и для себя». Иначе говоря, языковые факты должны быть рассмотрены в системе, не изолированными фрагментами, а языковеды должны заниматься поиском оптимальных по методу решений системного анализа. «Простота и экономичность» описания вошли в теорию «датской» ветви структурализма, копенгагенской школы во главе с Л. Ельмслевом. Своеобразную форму принял американский структурализм: основное внимание уделялось четкости метода, запрещено было прямо обращаться к языковому чутью и смыслу высказывания, поскольку целью был анализ неизвестных языков, конкретно на начальном этапе — индейских.

Особая судьба сложилась у структурализма в России. В частности, основоположники структурной теории Европы — Н. С. Трубецкой и Р. О. Шлегель — не получили должного признания в нашей стране.

бецкой, Р. О. Якобсон — «вышли» из идей Московского лингвистического кружка, где слово и смысл не разделялись, а филология понималась широко. Теперь, спустя десятилетия, можно сказать, что именно ветвь: Трубецкого — Якобсона оказалась наиболее продуктивной и наиболее филологической — при сохранении установок на научность и строгость описания.

Но в конце 50 — начале 60-х годов структурная лингвистика была связана в большей степени с точными науками — прежде всего с математикой.

В 1958 г. в Москве прошла, вызвав большой интерес, конференция по машинному переводу при 1 МГПИИЯ, где говорилось не только о машинном переводе, но и о трудах великого индийского языковеда Панини (доклад В. Н. Топорова). За этой конференцией последовали другие — по вопросам прикладной лингвистики в 1959 г. в Ленинграде, затем в 1960 г. в Черновцах. Организующую роль стал играть созданный при Академии наук СССР Научный совет по комплексной проблеме: кибернетика во главе с академиком и адмиралом А. И. Бергом. В рамках этого совета была создана лингвистическая секция (председатель — Вяч. Вс. Иванов), куда входили и лингвисты старшего поколения — А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, Л. Р. Зиндер, и совсем тогда молодые — И. А. Мельчук, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, а также математики, исследователи нейроструктур мозга, физиологи, дефектологи и др.

Именно совет по кибернетике сыграл большую роль в появлении того специального распоряжения Президиума АН СССР, по которому и был создан сектор структурной типологии в Институте. Этот сектор был образован наряду с аналогичными секторами (отделами) — в этом и была основная идея — в других институтах АН: Институте русского языка, Институте языкознания в Москве и его филиале в Ленинграде, Институте востоковедения.

Одновременно с этим в нескольких крупнейших университетах страны открылись специализированные отделения, готовившие лингвистов со «структурно-математическим» уклоном. Многие теперь уже очень известные лингвисты среднего поколения окончили такие отделения.

Научная ориентация сектора структурной типологии Института в первую очередь определялась двумя ведущими фигурами российской семиотической школы — Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым. Не останавливаясь на их индивидуальных особеннос-

тях как ученых, необходимо прежде всего сказать о двух объединяющих их ярких чертах: 1) интересе к языковой истории, к диахронии, а не только к синхронному описанию; интересе к индоевропеистике во всем ее многообразии, к проблемам языковой реконструкции; прекрасном и глубоком знании древних языков — санскрита, хеттского и др.; 2) поистине «ренессансной» широте исследовательских интересов, охватывающих и сферы анализа литературного текста, и науки, смежные с лингвистикой: философию, этнографию, древнюю и древнейшую историю, психолингвистику, нейролингвистику, общую теорию систем.

Таким образом, одной из специфических черт теоретической базы сектора структурной типологии, заложенной уже при его создании, можно считать *объединение* самых современных методов структурного и математического анализа языка с интересами к древности, индоевропейскому прасостоянию и индоевропейским реконструкциям. Необходимо здесь упомянуть и о конкретном влиянии неоднократно приезжавшего в Москву Р. О. Якобсона, с которым сотрудники сектора, и в первую очередь, естественно, Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, имели самое интенсивное научное общение, начиная с конца 50-х годов и кончая смертью Якобсона в 1982 г. Закономерно, что при подобных изначальных установках в состав сектора органично вписались и И. И. Ревзин, занимавшийся общими проблемами языкового моделирования, и блистательный полиглот А. А. Зализняк, как будто бы тогда ориентировавшийся на языковую историю. Неслучайно, что именно А. А. Зализняк, защитивший — тогда практически беспрецедентно — докторскую диссертацию вместо кандидатской на пороге 30 лет, стал любимейшим профессором созданного в 1960 г. Отделения структурной и прикладной лингвистики. Неслучайно также, что среди первых сотрудников сектора были пять человек, до этого занимавшихся машинным переводом и перешедших в Институт из «математизированных» учреждений: Вяч. Вс. Иванов и Т. М. Николаева — из Института точной механики и вычислительной техники АН, И. И. Ревзин — из Лаборатории машинного перевода 1 МГПИИЯ, Т. Н. Молошная — из Отделения прикладной математики Математического института им. Стеклова АН, З. М. Волоцкая — из Лаборатории электро моделирования ВИНТИ.

Первым заведующим сектором был В. Н. Топоров, уже работавший в Институте славяноведения с 1954 г., первыми со-

трудниками, зачисленными 22 августа 1960 г.: Т. М. Николаева, М. И. Бурлакова (Лекомцева), Д. М. Сегал. Вскоре появилась первая аспирантка — Т. В. Цивьян.

Дальнейшее изложение будет представлять собой поэтапный анализ эволюции теории сектора и ее реальных исследовательских воплощений за период от 1960 до 1995 гг. Однако сразу нужно оговорить, что переходы от одного этапа развития к другому не были резкими, но новые комплексы идей как бы вызревали в пределах предыдущего этапа, будучи обусловлены, по-видимому, логикой самой науки; поэтому хронологические границы во многих случаях достаточно условны. Кроме того, говоря о теории сектора и ее эволюции, нами разумеется ведущее и основное ядро исследовательских работ; несомненно, что целый ряд конкретных исследований останется за пределами нашего описания.

Первый этап работы сектора — это период с 1960 по 1963 гг. Строго говоря, это период поиска, так как в это время еще не определилось объединение подходов в единую школу, которая бы отличалась от других ветвей структуралистского подхода. В соответствии с этим подходом основной задачей виделось *описание языковых систем*. Интерес к проблемам описания и установка на оптимальность представления языковой системы охватывали и исследования исторического характера, диахронии, и собственно моделирующий подход. Логично, что теоретическим центром, объединяющим сотрудников, в те годы стала *типология*. Так что этот период вполне уместно назвать *структурно-типологическим*. Именно такая установка была в первых сборниках сектора, так или иначе сохранявших в своих названиях словосочетание «структурная типология»: «Структурно-типологические исследования» (1962); «Исследования по структурной типологии» (1963); «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии» (1966); «Структурная типология языков» (1966). Программой для первого этапа исследований была совместная статья (ранее это был доклад на ученом совете Института) М. И. Бурлаковой, Т. М. Николаевой, Д. М. Сегала и В. Н. Топорова, опубликованная в первом сборнике.

В упомянутых сборниках публиковались не только сотрудники сектора, но и ученые, казалось бы, внешне самой разной ориентации. Это известные слависты-типологи Т. Милевский, В. Скаличка, А. В. Исаченко; литературоведы и философы А. М. Пятигорский, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов; интересующиеся

лингвистикой нефилологи математик Л. А. Калужнин, физиолог Л. А. Чистович и др. Всех объединял интерес к сопоставлению систем и роли лингвистики в более широком контексте.

Особенностью сборников первого пятилетия было обилие довольно кратких рецензий на новые исследования отечественных и иностранных авторов по всем вопросам, которые могли быть интересны «структурному лингвисту».

Только впоследствии идеи неразрывности синхронии и диахронии в анализе фактов языка стали определяющими. В этот же период влияние идей Ф. де Соссюра и американских дескриптивистов еще было сильным. Типология прочно соединялась с современным состоянием языков. В соответствии с этим были представлены от сектора два доклада на V Международный съезд славистов в Софии в 1963 г.; сотрудники как бы объединились вокруг двух основных уровней языка — фонемного и грамматического. Это доклад В. Н. Топорова, Д. М. Сегала, Т. М. Судник и С. М. Шур (Толстой) о типологии фонологического уровня с ядром в виде теории различительных признаков фонем и их типологической реализации и доклад И. И. Ревзина, З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной и Т. М. Николаевой о морфологических категориях славянских языков с опорой на минимальную единицу грамматики — граммему. В этот же период была защищена первая в стране кандидатская лингвистическая диссертация по машинному переводу — Т. Н. Молошной (1960), а в 1962 г. диссертация Т. М. Николаевой также по машинному переводу.

По первоначальному замыслу В. Н. Топорова, заведовавшего сектором до 1963 г., должна была появиться серия кратких описаний всех славянских языков, выполненных по единой схеме. Однако по ряду обстоятельств была написана и опубликована только одна монография из серии — «Опыт описания русского языка в его письменной форме» З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной и Т. М. Николаевой.

Концептуальным центром именно этой поры можно назвать книгу И. И. Ревзина «Модели языка» и вообще попытки языкового моделирования на разных уровнях. В научной атмосфере тех лет отчетливо ощущался некий диктат представителей точных наук, в особенности математиков (см. у Б. Слуцкого: «Что-то физики в почете/ Что-то лирики в загоне»). Математики беспощадно требовали от лингвистов-докладчиков точных дефиниций базовых понятий и статистически достоверной обработки всех данных, что было полезно, но несколько наивно. То,

что язык есть объект намного более сложный, чем, например, объекты анализа точных наук, им тогда просто не приходило в голову; напротив, казалось, что лингвисты как-то халтурят, не дотягивая до красивой аксиоматики. Безусловно, благодаря Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову в секторе удалось удержать интерес к культуре, литературе, мифологии и т. д. — именно это впоследствии и стало его отличительной и во многом положительной особенностью.

Второй условный период истории сектора — с 1962 по 1970 гг. Его можно назвать *структурно-семиотическим*. В сущности, он проходил под знаком созданного в декабре 1962 г., т. е. в конце предыдущего этапа, Симпозиума по структурному изучению знаковых систем. Это было первое в СССР совещание по семиотике (науке о знаковых системах); оно повлекло за собой стремительное утверждение и развитие науки о знаковых системах. Не останавливаясь на отличии Московской семиотической школы (МСШ) от других направлений семиотики, важно подчеркнуть, что в данном случае все участники МСШ были *лингвистами*, иначе говоря, работали с опорой на слово как основную данность.

Основная концептуальная программа симпозиума была подготовлена Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, в работе участвовали многие сотрудники сектора. С докладами выступали и коллеги-единомышленники: художники, искусствоведы, математики и философы. Общая структура симпозиума складывалась из следующих разделов-секций: 1. Естественный язык как знаковая система; 2. Знаковые системы письма и дешифровка; 3. Неязыковые системы коммуникации; 4. Искусственные языки; 5. Моделирующие семиотические системы; 6. Искусство как семиотическая система; 7. Структурное и математическое изучение литературных произведений. Интерес к описанию простых семиотических систем, вроде знаков уличного движения, типов этикетных систем и проч., скоро сменился более глубокими исследованиями: В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов начали серию исследований по реконструкции и интерпретации славянской и индоевропейской мифологии и данных фольклора. Так, появилась их совместная работа «Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период)» (1965) и началась обильная статьями подготовка к следующей книге.

Довольно сложно писать в юбилейном издании о том, какому разгрому подверглись семиотика Института и ее увлеченные

исследователи, но и полностью умолчать об этом нельзя, так как слишком много печальных фактов опубликовано в последние годы в самых разных воспоминаниях. Скажу только, что в сложившихся условиях московские семиотики приняли приглашение профессора Тартуского университета Ю. М. Лотмана участвовать в 1964 г. в первой школе по вторичным моделирующим системам в Кяерику (около Тарту); с тех пор московские, собственно семиотического плана, работы печатались в основном в тартуских изданиях по семиотике. Как теперь выяснилось, лавры ушли «за рубеж», в Эстонию.

Однако и в этот период в секторе велись сугубо лингвистические исследования. Так, вышла в свет книга А. А. Зализняка о русском именном словоизменении, книга Т. М. Николаевой об интонации славянских языков, словосочетаниями в славянских языках занималась Т. Н. Молошная, словообразованием — З. М. Волоцкая; расширил за счет именно славянского материала свои работы по языковому моделированию И. И. Ревзин. Вышла книга Т. В. Цивьян по типологии имени в балканских языках. Все это были работы собственно лингвотипологические.

С середины 60-х приход в качестве сотрудников Л. Г. Невской и Т. М. Судник способствовал укреплению проблематики балто-славянских языковых и этноязычных контактов: начала складываться «балтийская» группа под руководством В. Н. Торова.

С 1963 г. заведующим сектором стал Вяч. Вс. Иванов, яркая личность которого привлекала на заседания сектора множество людей. Многие знаменитые ученые-негуманитарии услышали о лингвистике именно от него. Сам Вячеслав Всеволодович продолжал в эти годы и свои индоевропеистические занятия, выпустив книгу о схождениях в реконструкции славянских, балканских и анатолийских языковых систем.

Третий условный период охватывает время с 1965 по 1980 г. Именно это время можно назвать переломным в том смысле, что четко определились ядро интересов сектора и отдельные линии, сходство которых намечалось как бы пунктиром, стали объединяться в единую структуру, хотя и с размытыми краями. В целом, в первую очередь нужно назвать сближение синхронии и диахронии в языковом описании и, в соответствии с проблематикой Института и сектора, усиление линии индоевропеистической и реконструкции отношений между балтами и славянами, между Балканами и славянским миром и даже отно-

шения Balkano-Baltica. Именно в этот период вышли монографии Т. М. Судник о балто-славянском пограничье, Л. Г. Невской о географической лексике у балтов и славян.

В этот период изменился и тип сборников, издаваемых сектором: из общелингвистических, семиотико-структурных, интересных, но несколько пестрых по характеру, они стали изданиями тематическими, как правило, посвященным либо балто-славянским, либо славо-балканским проблемам. Именно подобные сборники проложили путь к единственному в своем роде серийному изданию «Балто-славянские исследования»; первый выпуск которых вышел в 1980 г., в настоящее время подготовлен десятый выпуск.

Это было время обобщения, теории и крупных трудов. Так, в 1974 г. вышла в свет книга Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей» с детальной разработкой реконструируемого ими «основного мифа» индоевропейцев. По сути, реконструированная Ивановым и Топоровым общая картина индоевропейской мифологии в ее проекции на славянскую легла в основу их многочисленных статей в энциклопедии «Мифы народов мира» (1980) — издании, поистине прославившем отечественную науку. В основе разработки текста «основного мифа» была своя оригинальная теория, которую можно назвать условно «наложением с заполнением зияния», т. е. сходные сюжеты у генетически близких народов как бы «накладывались», тем самым прояснялись «ущербные» места в отдельных ветвях этого реконструируемого текста. Метод наложения позволил сделать ряд важных выводов о генезисе тех или иных мифологических образов или концептов, например, проследить связь образов античных муз с славянскими девами-лихорадками и мышами (хтоническими существами) «основного мифа» (Топоров, 1977). Подобные работы были выполнены и Т. В. Цивьян, Л. Г. Невской, Т. М. Судник. Так, совместная работа Т. М. Судник и Т. В. Цивьян о балканской хозяйке Верха и о литовской Laume прояснила очень многое в тексте Жены Громовержца — в редуцированном виде известном с детства каждому ребенку как песенка: «Божия коровка, полети на небо...»

Таким образом в секторе была создана некая принципиально новая парадигма мифологического анализа, основанная на исходно лингвистических принципах подхода к тексту.

Интерес к конкретно реконструируемым связям и общим схемам воплотился прежде всего в огромное по объему (120 п. л.)

исследование Вяч. Вс. Иванова и грузинского ученого Т. В. Гамкрелидзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984), отклики на которое не иссякли до сих пор.

Не менее фундаментальным является и начатое В. Н. Топоровым издание многотомного труда «Прусский язык. Словарь» (вышло четыре тома). Этот словарь как бы одновременно является словарем исчезнувшего балтийского языка — прусского и словарем более широкого типа, толкующим индоевропейский аспект материала.

К исторической проблематике примыкает и изданная в 1965 г. книга А. А. Зализняка, где рассматриваются вопросы становления русской акцентуации на ее пути от праславянской.

Продолжались работы и собственно типологические: впервые была описана единообразно и выведена экспериментальным путем система фразовой интонации, т. е. интонации предложения, славянских языков — монография Т. М. Николаевой (1977) и ее докторская диссертация. Были опубликованы исследование М. И. Леконцевой по типологии слога в славянских языках, две монографии Т. Н. Молошной — о субстантивных и адъективных словосочетаниях в славянских языках, монография Т. В. Цивьян о балканском синтаксисе, сопоставительные исследования З. М. Волцкой по славянскому словообразованию и др.

Нельзя не упомянуть о новом жанре лингвистического сочинения, введенном А. А. Зализняком. Речь идет о так называемых лингвистических задачах, т. е. достаточно хитроумно и очень профессионально построенных «заданиях», решения которых давали бы возможность оценить лингвистическую «пригодность» испытуемого. Эти задачи впоследствии стали широко применяться на всякого рода олимпиадах и состязаниях, да и подобного рода школа была полезна лингвистам любого возраста. Ученики А. А. Зализняка научились придумывать новые задачи, которые выходили специальными сборниками.

Новым в аспекте собственно лингвистической типологии стал подход, при котором исходным является не формальная структура, а некий концепт — понятийная категория. Такова была опубликованная в этот период коллективная монография «Категория определенности в славянских и балканских языках» (1979; отв. ред. Т. М. Николаева).

Однако в данном кусте исследований — т. е. исследований лингвистических, как правило, грамматических — наиболее важным достижением того времени явился «Грамматический

словарь русского языка» А. А. Зализняка (1977), объемом около 1000 страниц, охватывающий примерно 100 000 слов. Эта работа, многократно уже переизданная, открывала новые пути для исследователей русской грамматики.

Трагической была безвременная кончина в 1974 г. Исаака Иосифовича Ревзина. С его смертью завершилось определенное направление в описании общих принципов моделирования языковых систем (после его смерти его вдовой, О. Г. Ревзиной, были подготовлены и изданы еще две монографии исследователя).

Количество сотрудников сектора за этот период значительно пополнилось. Это были специалист по западнославянским языкам А. В. Головачева, румыновед Т. Н. Свешникова, аспиранты Е. А. Хелимский и К. К. Богатырев.

Выше говорилось о становлении цельного и оригинального подхода к реконструкции славянских и индоевропейских «древностей», понимаемых достаточно широко. Между тем в эти же годы в секторе был сформулирован и воплощен в конкретных исследованиях другой аспект подхода к тексту, правда, связанный с первым, который был применен к текстам *художественной* литературы: прозаическим и стихотворным, древним, классическим и вполне современным. Эти работы во многом составили костяк того, что принято считать Московской семиотической школой анализа текста.

Внимание к анализу отдельного текста (чаще всего — стихотворения) вообще отличало XX век. Известны анализы такого рода Л. В. Щербы, Вяч. Вс. Иванова, Р. О. Якобсона (тексты самых разных поэтических культур), Р. О. Якобсона совместно с К. Леви-Строссом и др. Однако этот анализ в основном преследовал как цель представление особенностей текста на всех уровнях, его оптимальную лингвистическую репрезентацию. Метод же, выработавшийся в секторе, был направлен на то, чтобы найти единую интерпретационную точку для объяснения всех выбранных языковых единиц и их комбинаций. Наиболее широко известной стала написанная тогда работа Вяч. Вс. Иванова о стихотворении Велимира Хлебникова «Меня проносят на словных», опубликованная в «Трудах по знаковым системам» (Тарту, 1967) и многократно переводившаяся впоследствии.

Анализ прозаических текстов представлен в этот период в основном трудами В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян (главным образом, на материале текстов Ф. М. Достоевского). Наиболее показательна в этом плане большая статья В. Н. Топорова «О

структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» (1973). В этой работе уже были заложены основы трактовки текста как пространства и пространства как текста, а также идеи содержания в текстах нескольких внутренних «текстов», часто объединяющихся в единый текст — в данном случае, речь шла о так называемом Петербургском тексте, который был впоследствии описан В. Н. Топоровым подробно.

Накопленное умение видеть за непосредственной данностью текста его содержательную интерпретацию, а также умение «расслоить» внутреннее пространство текста, оказывающееся по форме и содержанию многомерным, привело сотрудников сектора и к интертекстуальным идеям, умению увидеть переклички с другими текстами и другими авторами. Но здесь — так как все исследователи были, как указывалось, лингвистами изначально — непременным условием являлась верификация смысловых схождений через соответствия формы и наоборот — совпадения формальные должны подтверждаться смысловыми.

Последний период истории сектора — от 1980 г. по настоящее время. Описать тенденции этого времени трудно уже потому, что оно — настоящее, а движение в настоящем всегда видится с трудом и менее объективно, чем в отдаляющихся от нас процессах. Естественно также, что общие трудности, переживаемые отечественной наукой в последнее десятилетие, не миновали и описываемое здесь научное содружество.

Однако публикаций у отдела было немало, причем достаточно большое число — во внеинститутских изданиях. Этот феномен, на мой взгляд, нужно считать положительным. В соответствии с наукологической концепцией в последние годы разбить сотрудников сектора (отдела) «по интересам» довольно сложно. Например, есть автор многих широко известных работ по структуре текста Т. В. Цивьян. Она пишет и о функции «вещи» в рассказах С. Довлатова или о подписи у А. Ремизова, и анализирует стихотворение грека К. Кавафиса. И написаны эти работы одним и тем же человеком и в рамках одного и того же научного метода. У автора этих строк в настоящее время сданы в печать две монографии: «Просодия Балкан» (экспериментально-фонетическое исследование просодии шести балканских языков) и «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. Или — другой пример — Е. А. Хелимский (ставший вице-президентом Международного общества финноугроведов) в послед-

ние месяцы сделал доклады и о последствиях завоевания Мангазеи, и о двух процессах в ритмико-силлабической структуре нганасанского слова. Именно эта невозможность разбиения сотрудников отдела на профессиональные группы «без остатка» и явилась, на мой взгляд, положительным процессом, свидетельствующим о создании научной школы в ее единстве.

О ряде работ все же должно сказать «отдельно». Прежде всего — это исследования А. А. Зализняка по анализу новгородских берестяных грамот и их дешифровка в совместных с историками (во главе с академиком В. Л. Яниным) экспедициями, давшая возможность реинтерпретации грамот, прочтенных ранее. А. А. Зализняк установил принципиально новые и неизвестные исторической грамматике русского языка факты фонетики и морфологии для новгородского диалекта, во-первых, и переориентировал их историческую прикрепленность, во-вторых. А. А. Зализняк затем сформулировал общие черты языка этого региона, который вполне можно считать особым, новгородским диалектом, занимающим специфическое место в пределах не только древнерусской, но и общеславянской диалектной дистрибуции.

Наконец, А. А. Зализняк выявил гораздо бóльшую близость древнерусского языка к современному состоянию, чем это предполагалось раньше, когда ученые располагали данными лишь сугубо книжного и очень мало — живого языка. А. А. Зализняк выпустил за последние годы две книги вместе с В. Л. Яниным, но основные достижения этого периода опубликованы им в монографии «Древненовгородский диалект» (1995).

В известной степени к сфере интересов А. А. Зализняка примыкает и один из новых сотрудников отдела — А. А. Гиппиус, посвятивший немало времени скрупулезному анализу авторских особенностей в их хронологической смене (в лингвистическом аспекте) Новгородского летописного свода.

В последние годы продолжалось изучение понятийных лингвистических категорий и их типологии в славянских и балканских языках. Этому была посвящена большая коллективная монография «Категория посессивности в славянских и балканских языках» (1989; авторы — Вяч. Вс. Иванов, А. В. Головачева, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, Т. Н. Свешникова), где семантика принадлежности представлена типологически как в плане выражения (формы), так и в плане содержания (смысла). Продолжением этого направления явилась вышедшая в 1995 г.

работа Вяч. Вс. Иванова, А. В. Головачевой, Т. Н. Молошной и Т. Н. Свешниковой о типологии грамматических категорий. На эту же тему ими был сделан доклад на XI Международном съезде славистов в 1993 г. Собственно грамматическими вопросами занималась Т. Н. Свешникова, написавшая монографию о синтаксисе и трансформациях румынского глагола.

Существенной теоретической инновацией, отличающей языкознание сегодняшнего дня, является все более успешное и виртуозное по методу умение вычленивать из как будто бы отвлеченного материала языковой грамматики и употребления грамматических форм называемую картину мира, связанную с этноязыковой ментальностью.

Здесь можно назвать несколько поистине «пионерских» работ сектора. Прежде всего — это книга Т. В. Цивьян «Лингвистические основы балканской модели мира», где на материале как будто бы генетически разных балканских языковых явлений показана общность балканской ментальности. Эта работа, вкупе с предыдущими монографиями Т. В. Цивьян, явилась основой для защиты «по докладу» докторской диссертации.

«Картина мира», по данным функционирования местоимений и прилагательных в славянских языках, изучалась А. В. Головачевой. Наиболее важный ее результат (в целом итоги подводятся в законченной ею в 1995 г. монографии), как представляется, состоит в теоретической дифференциации «картины мира» — обыденного представления о жизни, свойственного говорящим на данном языке, и «модели мира» — особого миропонимания, встающего из архаических, традиционных и/или поэтических текстов.

Интерпретация различных сфер выражения языковой ментальности в высказываниях с особого рода единицами языка — частицами, акцентно подчеркнутыми словами — проводится в двух монографиях Т. М. Николаевой: «Семантика акцентного выделения» (1982) и «Функции частиц в высказывании» (1985).

В последние годы накопленный материал позволил ряду сотрудников отдела обратиться и к фундаментальным вопросам языковой эволюции (см. работы Е. А. Хелимского и статьи Т. М. Николаевой в «Вопросах языкознания» за 1991, 1993 и 1995 г.).

Вопросом интерпретации ментальных различий в употреблении и восприятии разных видов речевых единиц занимался Вяч. Вс. Иванов в цикле работ, посвященных нейролингвисти-

ке — специальному разделу языкознания, занимающемуся асимметрией мозговых полушарий в связи с речью. Эти вопросы решаются в ряде его статей и в монографии «Чет и нечет».

Линия балто-славянских и индоевропеистических исследований продолжалась, правда, несколько в меньшей степени, чем ранее. Причины тому и публикационные, и политические (места бывших экспедиций стали заграничьем), и экологические (Чернобыль затронул и Полесье), и кадровые (отъезд К. К. Богатырева, написавшего работу по кашубской акцентологии и собиравшегося заниматься балто-славистикой, в США). Только в 1995 г. появилась первая аспирантка, специализировавшаяся по литуанистике, М. В. Завьялова. Однако «Балто-славянские исследования» продолжали до последнего времени выходить регулярно и по сути являлись основным объединяющим балтистов, славистов и индоевропеистов периодическим изданием.

Центром балто-славянских исследований последнего периода по праву является монография Вяч. Вс. Иванова о категориях балтийского глагола в его соответствиях индоевропейским и славянским глагольным парадигмам. К этой монографии примыкает и другая книга Вяч. Вс. Иванова — об истории названий металлов в языках того же региона; здесь содержится и целый ряд других его изысканий последних лет, в частности, исследования о возникновении письменности на Балканах и роли Балкан в становлении индоевропейского и славянского этногенеза.

Примерно с 1990 г. в жизни сектора (отдела) произошел ряд кадровых изменений. Российская Академия наук избрала в свои ряды В. Н. Топорова (академиком) и А. А. Зализняка (членом-корреспондентом). В связи с работой Вяч. Вс. Иванова в Университете Лос-Анджелеса (UCLA), оставшегося работать в Институте на половинной ставке, в 1990 г. заведующим сектором (отделом) была выбрана Т. М. Николаева.

Оставаясь в пределах собственно лингвистической проблематики, нельзя не отметить начатков совершенно нового направления, развитие которого будет, как мы надеемся, связано с именами новых и молодых сотрудников отдела.

Направление это условно можно назвать исследованием *истории грамматической мысли как теории*. Иначе говоря, за грамматикой языка и концепцией кодифицированного литературного языка стоит некая теория, которую нельзя просто выявить и которая имеет свою этноязыковую и ментальную типологию. К этому направлению примыкают: Н. Н. Запольская,

работающая над типологией и эволюционной историей «гибридных» славянских литературных языков; Б. М. Никольский, показавший в своей диссертационной работе концептуальное отличие славянского «Трактата о восьми частях речи» и его греческого аналога; А. Ф. Литвина, написавшая работу о роли латинских формул в становлении текстов «делового» языка западно-норусской зоны; А. А. Гиппиус, с изысканиями по Новгородскому летописному своду.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть и определить ту особенность научного метода отдела, которая кристаллизовалась все эти годы и которая теперь считается доминантой Московской семиотической школы. Это понимаемая широко теория структуры текста и его анализа, основанная на исходных *лингвосемиотических* посылах.

Неслучайно у В. Н. Топорова в одном только 1995 г. вышли четыре книги, в той или иной степени связанные с этой теорией, хотя и различные по тематике: Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное; Пространство и текст (вышла в Италии); «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения; Святость и святые в русской духовной культуре, т.1. Ранее вышли его не менее важные монографии «Неомифологизм в русской культуре XX века» (Тренто, 1993), «Эней — человек судьбы» (М., 1993) и ряд фундаментальных статей.

Видимо, неслучайно также в начале последнего периода вышел ряд коллективных изданий (некоторые из них на базе специальных конференций), посвященных тексту. Это, например: «Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста» (1979); «Balkanica» (1979); «Структура текста» (1980); «Текст: семантика и структура» (1983). Наиболее репрезентативны по методу из этого большого списка — «Структура текста. Тезисы симпозиума» (1981), а также сборник «Исследования по структуре текста» (1987). В общей сложности сотрудниками сектора опубликовано около 500 исследовательских работ семиотического плана по структуре текста. Ряд сотрудников (в первую очередь Т. В. Цивьян, Вяч. Вс. Иванов, а также Т. М. Николаева) читали специальные курсы лекций о Московской школе анализа текста в университетах Франции, Австрии, Италии, Нидерландов, Финляндии и США.

В последние годы под руководством Т. В. Цивьян проводятся так называемые «Балканские чтения» с публикацией тезисов и

последующим разворачиванием в большие по объему сборники, где очень много работ, посвященных анализу текста. В этих изданиях есть и исследования балканистов, не связанные непосредственно с текстами, и даже исследования текстов, не являющихся, строго говоря, текстами Балкан.

Постараемся представить в общем виде основные положения подхода к тексту данной филологической школы и ее отличия от некоторых других.

Прежде всего (несомненно, это связано с исходной лингвистической школой основных создателей этой теории) это установка на *билатеральность* текстового знака. Поэтому раскрываемые глубинные связи, создающие внутренний текст в тексте, могут быть верифицированы только при двойной сети доказательств: и по линии формы, и по линии содержания. Внешней форме словесного знака не придавал, например, значение В. Я. Пропп, а за ним французские структуралисты; чисто внешними соответствиями вплоть до звукописи интересовались многие, в том числе русская школа формалистов и Р. О. Якобсон. Вторая установка — понимание текста как замкнутого единого пространства. Об этом впервые наиболее подробно писал В. Н. Топоров в статье «Пространство и текст» в сборнике «Текст: семантика и структура» (неслучайно, что именно этот концепт лежит в основе названия нового сборника В. Н. Топорова, вышедшего в Пизе).

Понятие текста как пространства отличает это направление от так называемой лингвистики текста, занимавшейся в основном проблемами связности текста, если так можно сказать, корректностью построения текста как некоторой связной цепочки. То есть текст полагался идентичным предложению: он состоит из предложений, предложения из слов и т. д. Так же и французским структуралистам принадлежит тезис о том, что «текст — это одна большая фраза». При таком подходе трудно увидеть в тексте некие дополнительные и неочевидные смысловые связи. Неудивительно, что лингвистика текста, возникнув в конце 60-х годов, довольно скоро исчерпала свою проблематику, в основном группирующуюся вокруг правил анафорических корреляций.

Между тем обе указанных установки Московской семиотической школы анализа текста дали возможность увидеть, например, В. Н. Топорову, уже вошедший в филологический обиход «Петербургский текст», «Лизин текст», текст «Младого певца и быстротечного времени» и др. Библиографическая часть

данного издания демонстрирует многочисленные исследования в этом плане Т. В. Цивьян и др. Именно подобный подход дал возможность по-иному, чем ранее, подойти к проблеме глубинного влияния «Слова» на тексты Пушкина (Т. М. Николаева).

Возможность широких публикаций сделала эти идеи анализа текста популярными (например, в Нидерландах возникла так называемая Гронингенская школа анализа текста).

Именно опора на содержательную сторону в интерпретации традиционных и классических древних текстов явилась основой для принципиально нового подхода к текстам традиционной культуры.

Анализ фольклорных текстов имел место и в ранних изданиях отдела по теории текста. Такова, в частности, работа Т. М. Судник по интерпретации текста полесского заговора, статьи Т. Н. Свешниковой о культе волка-оборотня на Балканах, совместные работы Т. В. Цивьян и Т. Н. Свешниковой о функции «посуды» в традиционных балканских текстах, статьи Л. Г. Невской о некоторых глубинных концептах славянского духовного мира и др. Однако с начала 90-х годов это направление вылилось в серию работ по духовной культуре балтов и славян, с достаточно регулярно планируемыми и выходящими изданиями. (В этот период в сектор вошла и И. А. Седакова — известный исследователь болгарских фольклорных текстов.)

Пожалуй, можно сказать, что в основе этих работ лежит, на базе большого реального материала, прежде всего, подвергнутого лингвистической обработке, поиск *концептуальных* основ анализируемого текста, попытка его прочтения в хронологической эволюции и реконструируемой мифологической основе. Подобный анализ принципиально отличается от анализа *по мотивам*, поскольку последний выявляет связи текста, но не именно его глубинную основу как данного текста.

В рамках указанной серии уже опубликованы работы «Погребальный обряд», «Заговор», «Загадка как текст», т. 1 (в печати уже второй том), «Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры» Л. Г. Невской.

Сегодня можно назвать и три открывающихся ветви исследования.

Это, во-первых, выявление на самых разных текстах — от языковых до общекультурных — клишированных стереотипов в их отличии от коммуникативных зон свободного выбора. Работа будет проходить на базе проведенной в конце 1995 г. си-

лами отдела конференции «Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии».

Во-вторых, это выросший из собственно типологических занятий интерес к стабильности и проницаемости славянской языковой системы. При этом стабильность ядра и проницаемость языковой периферии могут определяться тремя факторами: различием внутри самой славянской семьи; спецификой языкового уровня (т. е. один проницаем, а другой стабилен); спецификой языка контакта (т. е. одни языки контактно «сильные», а другие — «слабые»). Все три фактора не исключают друг друга, но находятся между собой в сложном взаимодействии, механизм которого еще предстоит выяснить. Этому способствует и проведенная в 1996 г. конференция «Славянские языки в зеркале неславянского окружения».

И, в-третьих, новой темой сектора явится упоминавшийся цикл исследований по эволюции теории грамматической мысли.